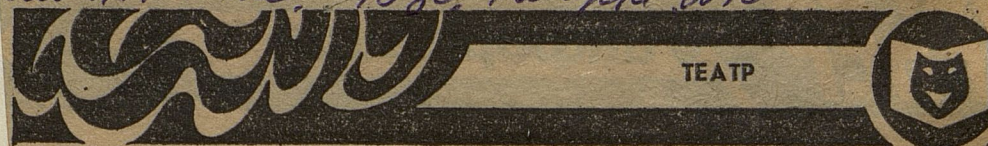

Коршунов В

1986/м

Мал. Россия, 1986, 7 апреля МНО

ТЕАТР

ГЕРОЙ ДЕЛА, ГЕРОЙ ДУХА

Новая интересная пьеса молодого белорусского драматурга А. Кудрявцева «Иван и Мадонна» поставлена сразу в двух московских театрах. Один из них — прославленный Малый (здесь она идет под названием «Иван»).

В постановке В. Андреева «Иван» — спектакль одновременно и крепко реалистический, в традициях старейшей русской сцены, и символический, обобщенный. Это диктовалось самим режиссерским замыслом, очень хорошо подкрепленным оформлением художника В. Фомина и музыкой композитора В. Гаврилина. История фронтовика Ивана, вместе со всем народом прошедшего все тяжкие военные дороги, вместе со всем народом залечивавшего раны, нанесенные врагом родной его земле, и теперь плотничающего в своем колхозе, — история, как понял ее театр, и типическая, и метафорическая, и обычная, и легендарная.

Иван, само это имя, ставшее как бы символом русского народа, вбирает в себя лучшие черты национального характера, а значит, спектакль уже не может быть поставлен бытово-приземленно, образ героя не может быть сыгран только бытово-узнаваемо. Нужно было нечто большее — философичность обобщения, поэзия правды, стремление к идеалу, напряженная духовность, понимание единства человека и народа, чье разобщение — трагедия, чья неразрывность — источник вдохновения.

В. Коршунов в роли Ивана сумел добиться этого сложного художнического сплава, когда жизненная убедительность характера помножена на его сказовость, когда распространенный тип оказывается в конце концов исключительным, когда удивляющее порой чудачество оборачивается истинной нормой поведения взрослого порядочного человека.

С первой нашей встречи с Иваном — Коршуновым в его избе, где живет он с суровой, вечно озабоченной, совсем вроде бы не под стать ему женой, которую как-то по особому истово, тревожно, любовно играет Р. Нифонтова, — с первой встречи с Иваном мы навсегда попадаем под светлое обаяние этой личности. Таких, наверно, много среди нас, но лишь искусству дано не просто увидеть — укрупнить жизнь.

Кто же такой этот Иван, в прошлом боевой разведчик, а сегодня простой колхозник? Скажем так: драматургический, сценический Теркин. Что прекраснее может быть для характеристики работы драматурга, режиссера, актера! Тот самый веселый, задорный, лучезарно-контактный, всенародно-прописанный Теркин, каким знает его сегодня все благодарное гуманное человечество. Но сыграть Теркина было бы определенной — пусть и классической — цитатой. В. Коршунов раскрывает в своем герое и черты сугубо индивидуальные, вроде бы противоречащие друг другу, — необычайную, почти наивную доброту, соединенную с непреходящим действенным, резким неприятием тех черт характеров и примет жизни, которые для Ивана беспорочно, заведомо, безоговорочно неприемлемы.

И это соединение доброжелательности и ненависти, соединение редкое, дающееся немногим, не случайно, как

Премьера Малого театра:
«Иван» А. Кудрявцева

Женьшень — И. ЛЮБЕЗНОВ, Иван — В. КОРШУНОВ.
Фото И. ЕФИМОВА

великой милости, просил себе у неба Гоголь — Любви и Гнева, чтобы стать великим художником. Есть они и у этого Ивана — обычного и необычного, простого и великого человека. Любовь к каждому проявлению естественной жизни, ненависть к душевному уродству, когда измена и корыстолюбие идут рядом, становятся богом человека.

Как светло и весело делается на сцене, когда появляется на ней Иван — Коршунов! Что бы ни говорил он, что бы ни делал, пусть даже и чудил, — зрительный зал улыбается, отдыхает сердцем, происходит то особое очищение, ради которого люди и приходят в театр. Без таких, как Иван, скучнее было бы жить, и это необычайно видно именно сегодня, в пору благотворных перемен во всех сферах нашей жизни. Именно здесь, кстати сказать, заложено сильное, современное звучание спектакля — необходимо еще и еще раз средствами искусства показать нечто суверенное в человеке, что не зависит ни от какого самого высочайшего технического прогресса. Поднимаясь по ступенькам чудотворной техники, человек должен сохранять в себе и исконные, природные человеческие качества, чтобы самому не стать роботом при работе, компьютером при компьютере. Как никогда важны сегодня чистая нрав-

ственность, необоримая любовь к своей земле, радость дружбы, счастье общения, свет милосердия.

Особенно хорош Иван — Коршунов в сцене получения ордена, нашедшего его долгие годы спустя после войны. Здесь и скромность, и робость, и неосознанность величия своего подвига, и желание видеть других выше и лучше себя, и достоинство, и гордость, и опять-таки — нечто сугубо индивидуальное: орден нужен ему не для славы, хватит славы общей — Победы, орден поможет в борьбе со старыми противниками — хищниками, раскрадывающими народное добро, нерадивыми «работниками», хитрыми проходимцами, умеющими наживаться на народных страданиях.

В Театре имени А. С. Пушкина в спектакле, поставленном Б. Морозовым, роль Ивана играет Г. Бурков, тоже делая из нее и жизненное, и театральное явление. Герой Буркова более задирист, нежели Иван Коршунова, более себе на уме в силу самой актерской индивидуальности. Здесь больше обострения, сдвинутых пропорций. Там, где у Коршунова лихое ребячество, у Буркова — угловатая чудачковатость, там, где у Коршунова наивная доброта, у Буркова — неистовость добрых страстей. И обе эти прекрасные актерские работы как бы дополняют друг друга, вырастают один, обобщенный образ Ивана, в котором — и добродушный богатырь Микула Селянинович, и лукавый богатырь Алеша Попович.

В спектакль Малого театра очень ярко входит еще один герой — деревенский дед по прозвищу Женьшень в исполнении И. Любезнова. Здесь опять-таки лучшие черты народного характера, но в другом измерении — тихой мудрости, умного знания, сосредоточенной любви к природе, какой-то особой интернациональной распахнутости русской души. Как и всегда у И. Любезнова, роль получается концертной. Но концертность эта, обусловленная незаурядным дарованием свободного общения со зрительным залом, не прорывает ансамблевости, не выводит героя И. Любезнова за скобки спектакля. Можно сказать, что старик Женьшень — это еще одна ипостась характера Ивана, еще одно уравнивание буйной стихийности и народной мудрости. Это углубляет и спектакль, и характер главного героя.

Е. Весник в роли генерала в отставке Дудника, как всегда, умеет быть одновременно и глубоко серьезным, моментами даже драматичным, и органически раскованным, распахнутым душой к людям. Диалог генерала Дудника с Иваном, по-фронтовому братский, как-то особенно трогательно поднимает их обоих.

Хотелось бы сказать доброе слово о молодом артисте И. Ляхе, исполняющем роль колхозного бездельника Петьки. И здесь узнаваемость сопряжена по законам спектакля с обобщением — не исключение этот добренький лодырь, вдруг показывающий свой злой оскал. Таких, к сожалению, тоже еще немало — тихих пьяниц, беззлобных сплетников, веселых озорников, что в конце концов оказываются балластом в каждом деле, вязкой тинной в каждом добром начинании.

Тем более важно сегодня утверждать пример таких людей, как Иван, — людей скромных, не выпячивающих себя, но оказывающихся иногда подлинными героями и дела, и духа.

Спектакль Малого театра только начинает жизнь, и я бы посоветовал его создателям еще раз задуматься над финалом: смерть Ивана — здесь я вижу и просчет драматурга — как-то слишком внезапно, случайна, житейский нелепа, а потому и внедрагматична. Но это замечание частное, не портящее доброго впечатления от очень сейчас нужного, светом воспитывающего спектакля.

Вл. ПИМЕНОВ